

10.3.11.11.

Рудольфа - 2000 -
16-22 марта - с. 9

Загадочная юрская душа

82

Сегодня у артиста — полукруглая дата

Наша жизнь складывается столь удивительным образом, что все меньше остается людей, перед которыми можно испытывать стыд, и все больше тех, кому с легкостью необыкновенной хочется бросить, — желательно в лицо: “А ты, собственно, сам кто таков будешь?”

К Сергею Юрьевичу Юрскому с подобным вопросом не обратишься даже в мыслях. Он — из тех деятелей нашего искусства, само присутствие которых в кадре жизни останавливает от совершения нелепых или, хуже того, дурных поступков. И не то чтобы ты ходишь и думаешь постоянно: “А что по этому поводу скажет Сергей Юрьевич?” — но все-таки имеешь в виду возможность столкновения с ним на каких-нибудь неясных путях и его, ни в коем случае не ругань, а просто вопрос: “Андрюша, я просто хочу понять, как же вы так, а?”

Этого вопроса хочется избежать. Убежден: не только мне. Сергей Юрьевич Юрский — такой деятель нашего искусства, для которого слово “стыд”, равно как и слова “честь” и “достоинство”, имеет не просто смысл, но основополагающий смысл жизни. И чем реже в нашем существовании мы будем вспоминать о стыде, чести и достоинстве, тем чаще и жестче будет думать и говорить об этом Юрский. Потому что он — другой. И как бы ни менялись времена, он будет другим в любом времени. Потому что он — художник.

К слову сказать, Юрский очень

неохотно критикует своих коллег. Недавно я провел вечер в компании художественного руководителя одного популярного московского театра. Ехал после этого вечера домой, думал: отчего ж так противно? Каждую минуту нашего разговора этот человек кого-нибудь ругал или, в лучшем случае, оценивал. Юрский — не оценщик и не критик. Он “размышляльщик”. Может, в русском языке такого слова и нет как раз потому, что критиков да хулителей много, размышляльщиков почти нет. Кстати, и в кино, в замечательном фильме “Чернов”, и на театре, и, конечно, в книгах своих он никогда не констатирует. Отдельным делом занят, непривычным: размышляет.

Эта его отдельность ужасно не нравится власти. Причем любой. Вот ведь сколько властителей человек пережил, а никто не сумел его использовать. Никто! Били? Да. Из родного Питера заставили уехать? И это было. А использовать этого абсолютно своеобразного человека никому не удалось.

С Юрским о политике можно разговаривать бесконечно. На кухне. О своеобразии русского характера, русской души спорить до хрипоты. За бутылкой. Но так, чтобы он появился на телеэкране “в группе поддержки”? Не замечен. Потому что, как мне кажется, мастер очень хорошо понимает: человек искусства должен влиять на свое время не лозунгами и не призывами. По-другому.

Это ведь очень правильно, что в кино Сергей Юрский дебютировал в фильме Эльдара Рязанова “Человек ниоткуда”. Его герой — странный человек, который не хочет существовать по общепринятым законам, но желает жить так, как ему кажется правильным, и в этом своем желании абсолютно свободен. Кто скажет, что это не Юрский? Пусть утрированный, пусть забавный, пусть сам актер, в отличие от экранного персонажа, прекрасно знает, откуда он родом. Но если в суть смотреть, разве не похож?

А в театре он кем прославился? Чацким в знаменитом спектакле Георгия Товстоногова. Тот Чацкий был до такой степени одинок и не понят, что обращался в зал, словно там искал спасения. Тот Чацкий даже в обморок падал, настолько он, другой, был никому не нужен.

С тех пор так и повелось. Представьте себе Юрского в массовке. Хоть нынешнего. Хоть сорок лет назад. Ну и где вы найдете такую массовку, в которой бы Юрский не стал центром?

*Видно вспять поплыло Время:
сквозь могилу и сквозь слезы
в перепутанных деревьях
я увидел вдруг отца...
Было утро воскресенья.
В перевернутой природе
я искал заветный узел —
связь начала и конца.*

В скобках замечу, что и стихи свои, и прозу Юрский решил издавать лишь после того, как десятилетиями писал их. Если не

ошибаюсь, то именно стихотворение, фрагмент из которого я процитировал, Юрский читал на своем 50-летию в еще не сгоревшем Доме актера на улице еще Горького. Тогда многие потряслись: “Вы еще и стихи пишете, оказывается?” Он улыбался, но долго, очень долго — не печатал. Я ж говорю: иной человек, по своим живет законам.

Я никогда не спрашивал об этом Сергея Юрьевича (а знакомы мы уже лет двадцать), но, мне кажется, у него отношение ко времени, как к равному. Они — партнеры.

Есть художники — и даже на театре, — которые работают как бы вне времени. Бог им судья. Но больше тех, кто своему времени прислуживает, словно молодой солдат — “старик”. Юрский о времени помнит. Прислушивается к нему, но не прислуживает. Он не ощущает себя слугой никакой эпохи, может быть, поэтому ему удалось сохранить себя и сохранить интерес публики к самому себе.

Даже когда кажется, что он подчинился веяниям времени, это подчинение оказывается внешним. Ну да, поставил по антрепризному принципу гоголевских “Игроков”. (К слову, антрепризой занялся одним из первых. Некоторые критики, как всегда, не разглядев сути, его за этот принцип и ругали. А потом оказалось, что в этом спектакле свою последнюю театральную роль сыграл Евгений Евстигнеев, и первую — Геннадий Хазанов, что после этого спектакля у Леонида Филатова за-

метных театральных премьер не было, да и все звезды спектакля давно не играли так интересно и серьезно, как в “Игроках XXI”. Вот и получается, с одной стороны, вроде антреприза, а с другой — мощный, серьезный, настоящий театр.)

В эпоху всеобщего экспериментаторства, когда на театре все вдруг так полюбили изъясняться неясно, но красиво и, как кажется самим экспериментаторам, символично, Юрский поставил на сцене Театра Моссовета абсолютно понятный и даже как бы традиционный спектакль “Не было ни гроша, да вдруг алтын” Островского, возвращая нас к тому театру, когда зрители не разгадывали режиссерские загадки, а вовлекались в действие, радовались и смеялись вместе с героями спектакля.

Я убежден, что воплотить на сцене ясность куда сложнее, чем загадывать загадки. Режиссер, любящий ясность, незащищен: он не может, подобно составителю театральных кроссвордов, сказать: “Вы, ребята, меня не поняли — сами виноваты. Нас, гениев, всегда не понимают”. Поскольку младенцы в театр не ходят, то некому сказать, глядя на многие нынешние театральные постановки, что король-то, мол, вовсе и не одет.

Юрский никогда не хотел быть специально, нарочно “не таким”. Он просто жил и работал, и живет, и работает так, как считает нужным. Его ли вина, что это “так, как считает нужным Юрский”,

всегда оказывается по-другому?

В 1967 году он сделал вольный перевод пьесы Эжена Ионеско “Стулья”, и потом двадцать пять лет пьеса лежала в столе. Двадцать пять! Четверть века артист и режиссер размышлял над тем, как поставить эту диковинную пьесу так, чтобы за всегдешней странностью Ионеско не пропали человеческие отношения героев. Заставить русского зрителя всхлипывать на пьесе великого авангардиста, не оценивать всяческие изыски, а сопереживать происходящему, — это, доложу я вам, обыкновенный театральный подвиг.

Дорогой Сергей Юрьевич! Бог свидетель, никогда не говорил я ни от чьего имени. А нынче, накануне вашего юбилея, скажу. Потому что это правда. Вы нам всем очень нужны. Всем. И очень.

Очень скоро на сцене Театра “Школа современной пьесы” случится премьера спектакля “Провокация”, где вы — и режиссер, и исполнитель роли. Разумеется, я не знаю, как у вас получится на этот раз: это ведь никогда неизвестно. Но уверен: это будет по-своему. И это будет честно. И это будет интересно: скучно вы просто не умеете.

Что можно пожелать режиссеру, который в свой юбилей выпускает премьеру?

Вот этого я вам и желаю. От всего сердца.

Всегда ваш,
Андрей МАКСИМОВ

Фото В. ПЛОТНИКОВА

Юрский Сергей Юрьевич